

Психологическая адаптация русских в постсоветских странах: роль контекста

Александр Н. Татарко¹, Надежда М. Лебедева¹

¹ НИУ Высшая школа экономики, Москва, 101000, Россия

Получено 2 June 2023 ♦ Принято в печать 10 June 2023 ♦ Опубликовано 12 September 2023

Цитирование: AN Tatarko, NM Lebedeva (2023) Psychological adaptation of Russians in post-Soviet countries: the role of context. *Population and Economics* 7(3):1–24. <https://doi.org/10.3897/popecon.7.e107416>

Аннотация

Цель настоящего исследования состояла в изучении психологической адаптации русских в различных контекстах постсоветских стран. Для достижения данной цели был проведен опрос в семи следующих постсоветских республиках: Эстония (N = 314), Казахстан (N = 179), Киргизия (N = 300), Армения (N = 109), Таджикистан (N = 284), Латвия (N = 334), Грузия (N = 312). Общий объем выборки составил 1832 чел. В исследовании было показано, что в разных контекстах постсоветских республик психологическая адаптация русских отличается. Мы выделили два контекстуальных условия, имеющих важное значение для успешной адаптации русских в постсоветских странах: политика в отношении русских, которая может быть инклюзивной или ограничительной, а также субъективная культурная дистанция. Соответственно, было выделено четыре контекста адаптации русских. При сочетании инклюзивной политики и близкой субъективной культурной дистанции (Казахстан) условия для психологической адаптации благоприятны, этнические границы проницаемы, формируется соединяющий (межэтнический) социальный капитал. Однако есть обратная сторона такого благоприятного контекста — в нем наблюдаются ассимиляционные тенденции. При сочетании инклюзивной политики и далекой субъективной культурной дистанции (Киргизия, Армения) у русских есть возможности для полноценного сохранения этнической идентичности и интеграции в принимающее общество. Такой контекст дает самые высокие значения самоуважения как одного из показателей психологической адаптации. В случае сочетания ограничительной политики и близкой субъективной культурной дистанции (Эстония, Латвия) мы наблюдаем своего рода запрос русских на интеграцию, то есть сохранение собственной культуры наряду с включением в культуру принимающих обществ. Контекст, сочетающий ограничительную политику и далекую субъективную культурную дистанцию (Грузия, Таджикистан), является самым неблагоприятным для психологической адаптации русских. Характерным является то, что в данном контексте русские вынуждены снижать, «прятать» свою этническую идентичность, поскольку выраженность этнической идентичности у них отрицательно связана с удовлетворенностью жизнью, то есть с успешной адаптацией.

Ключевые слова

психологическая адаптация, политика в отношении русских, субъективная культурная дистанция, идентичность, социальный капитал, аккультурация

Коды JEL: F22

Введение

Основная часть современных исследований, посвященных аккультурации и адаптации представителей различных этнокультурных групп, основана на эмпирических данных, полученных от респондентов-мигрантов, сменивших место жительства. Эти мигранты переехали в новую среду и, оказавшись там в меньшинстве, столкнулись с новой культурой, к которой они были вынуждены адаптироваться [Sam, Berry, 2010]. Однако мы мало знаем об аккультурации и адаптации к изменившимся социокультурным и политическим реалиям представителей этнических групп, статус которых поменялся без переезда в другую страну. Представители этнической группы могут оказаться меньшинством в другой культуре в силу исторических или политических событий, в частности распада прежних и создания новых государств. Уникальным примером такой этнокультурной группы являются русские, проживающие в бывших советских республиках, ныне независимых странах.

Перед распадом СССР, согласно переписи 1989 г., в союзных республиках проживало около 25 млн русских [Рязанов, 2015]. К 2010-м гг. (в зависимости от года переписи, в одних республиках это был 2009 г., в других — 2010 или 2011) количество русских в постсоветских странах значительно сократилось, их осталось около 14,5 млн [Рязанов, 2015]. Однако, несмотря на такое сокращение, количество русских, оставшихся в бывших советских республиках, все равно довольно велико. Население в 14,5 млн человек — это приблизительно население Норвегии и Швеции вместе взятых (по данным переписи 2018 г.). После распада СССР русское население республик было вынуждено адаптироваться к изменившимся политическим и культурным реалиям.

В большинстве исследований, посвященных адаптации мигрантов, выделяют три ее типа: психологическую, социокультурную и межкультурную [Ward, 1996; Berry, 2017], однако наше исследование фокусируется только на психологической адаптации. Это объясняется тем, что было бы бессмысленно рассматривать социокультурную и межкультурную адаптацию русских, поскольку они живут в этих республиках с советских времен практически всю свою жизнь (или даже родились в этих странах) и хорошо знают культуру тех стран, в которых проживают. Главная проблема, с которой они столкнулись, заключалась в психологической адаптации к произошедшим социальным и политическим изменениям, в частности к потере ими статуса этнического большинства и статуса русского языка как государственного.

В настоящее время основными показателями психологической адаптации в кросс-культурных исследованиях являются удовлетворенность жизнью и самоуважение мигрантов и этнических меньшинств [Lebedeva, Ryabichenko, 2016; Berry, 2017; Galyapina et al., 2021; Berry et al., 2022].

В настоящем исследовании мы стремимся изучить психологическую адаптацию русских в различных контекстах постсоветских стран. С точки зрения дизайна исследования, историческая ситуация предоставила нам уникальную возможность изучения психологической адаптации представителей одной и той же этнической группы — русских в различных культурно-политических контекстах постсоветских стран. Соответственно, различия в особенностях их адаптации могут быть объяснены при помощи различий в контекстах. В этой связи встает вопрос о параметрах или характеристиках, с опорой на которые мы можем классифицировать контексты адаптации русских в постсоветских странах.

Контекстуальные условия психологической адаптации русских на постсоветском пространстве

Контекстуальные условия постсоветских стран, в которых оказались русские после распада СССР, отличались высокой вариативностью. Наше эмпирическое исследование было проведено в 6 постсоветских странах: Казахстан, Латвия, Грузия, Таджикистан, Армения, Киргизия. Ниже в таблице 1 мы систематизировали основные контекстуальные характеристики адаптации русских в рассматриваемых постсоветских странах.

Как видно из таблицы 1, контексты стран, в которых оказались русские после распада СССР, значительно различаются в плане политики по отношению к оставшемуся в этих странах русскому населению. Соответственно, возникает вопрос: каким образом мы можем классифицировать политику по отношению к русским в постсоветских странах?

Политика стран по отношению к этническим меньшинствам и мигрантам

В существующей литературе, обсуждающей различные варианты политики по отношению к инокультурным мигрантам, преимущественно проводится демаркационная линия между *принимавшей (инклюзивной) политикой* и *ограничивающей политикой*. Для обозначения этих двух видов политики авторами используются различные, но по сути близкие термины. В частности, авторы говорят об «инклюзивном национализме» (inclusive nationalism) и «экс-клюдивном национализме» (exclusive nationalism) [Smith et al., 1998], описывая межкультурные отношения на постсоветском пространстве. Инклюзивный национализм подчеркивает важность общих политических ценностей, институтов и юридических прав. В этой концепции национальная идентичность является открытой и инклюзивной, и люди из различных этнических и культурных слоев могут быть частью нации до тех пор, пока они придерживаются ее политических принципов и институциональных правил. Авторы отмечают, что инклюзивный национализм характерен для Западной Европы [Smith et al., 1998]. В целом, этот термин популярен при обсуждении и исследовании различных проблем, связанных с инклюзией мигрантов в западноевропейских странах [Moskal, 2016].

Экслюдивный национализм — это форма национализма, которая подчеркивает общие культурные, языковые или исконные характеристики как основу национальной идентичности. Данная концепция рассматривается как характерная для постсоветского пространства и восточной Европы [Smith et al., 1998]. В этой концепции национальная идентичность является исключительной и часто **ограничительной**, поскольку она основана на общем этническом или культурном наследии, которое может не быть общим для всех жителей страны. В качестве интересного примера страны, характеризующейся экслюдивным национализмом, авторы приводят Грузию. В Грузии, с одной стороны, на уровне официального дискурса, разделяемого интеллигенцией, существует миф о толерантности и межэтнической гармонии. С другой стороны, те «языковые мифы», которые используются для создания грузинской идентичности, носят скорее исключительный, чем инклюзивный характер [Smith et al., 1998, стр. 195]. Говоря об этих формах национализма, авторы часто упоминают язык в качестве критерия разделения между ними. При экслюдивном национализме язык доминирующей группы является господствующим, и распространение иных языков ограничивается. При инклюзивном национализме использование других языков в качестве государственных приемлемо. О проблеме ограничительных правил натурализации сообщают исследователи некоторых европейских стран, в частности Дании [Jensen et al., 2021]. В Дании очень жесткие требования к владению языком для иммигрантов, желающих получить гражданство. В результате мигранты даже после 13 лет проживания в этой стране могут не соответствовать данному правилу [Jensen et al., 2021]. Аналогичный ограничительный шаг с усложнением языковых требований был введен в Нидерландах, в результате чего количество получающих гражданство сократилось на 70% [van Oers, 2008]. *Поэтому жесткие требования к владению языком являются наиболее четким критерием ограничивающей политики страны в отношении мигрантов и меньшинств.* Аналогичные жесткие ограничительные требования для получения гражданства выдвигаются по отношению к русским, проживающим в странах Балтии, в частности в Эстонии и Латвии [Aptekar, 2009].

Также в литературе описываются т.н. гражданский национализм (civic nationalism) и этнокультурный национализм (ethnocultural nationalism) [Yaman, Kartal, 2023]. Гражданский национализм, также известный как западный национализм, — это т.н. “хороший” национализм, возникший в Западной Европе. Восточный национализм, также известный как этнокультурный или этносимволистский национализм, наблюдается в Восточной Европе, Африке, Азии и Латинской Америке и рассматривается в качестве примера т.н. “плохого” национализма.

Согласно Kohn [2005] нация в западном национализме — это добровольное объединение индивидов для жизни вместе на участке земли с определенными границами и готовность подчиняться одной и той же власти и закону. С другой стороны, понимание национализма в Восточной Европе основано в большей мере на этнической близости, чем на желании

Таблица 1. Контекстуальные условия адаптации русских в постсоветских странах

Страна	Количество русских и их доля в общей численности населения	Гражданство	Русский язык	Межкультурные отношения	Наличие русских в правительствах (показатель проницаемости этнических границ)	Количество русских школ (2022-2023 г.)
Казахстан	2 981 946 чел., или 15,5% (2021 г.)	Автоматически после распада СССР	Русский — язык межнационального общения, активно используется в повседневной жизни	В целом позитивное отношение к русским, но наблюдается рост национал-патриотизма, представители которого осуществляют притеснение русского языка и культуры	Заместитель премьеры Роман Скляр и глава МЧС Юрий Ильин (2022 г.)	1500
Латвия	454 350 чел., или 24,22% (2021 г.)	Необходимо пройти процедуру натурализации (на 1 января 2022 г. 26,46% — неграждане)	Русский язык имеет статус иностранного, в повседневной жизни не используется	Существует дискриминация этнических меньшинств	нет	89
Эстония	306 801 чел., или 22% (2021 г.)	Необходимо пройти процедуру натурализации (в 2021 г. 5,2% — неграждане)	Русский язык имеет статус иностранного, в повседневной жизни не используется	Существует дискриминация этнических меньшинств	нет	92
Грузия	26 453 чел., или 0,7% (2014 г.)	Автоматически после распада СССР	Статус русского языка официально не определен. В повседневной жизни практически не используется	По отношению к русским существуют негативные установки	нет	11

Страна	Количество русских и их доля в общей численности населения	Гражданство	Русский язык	Межкультурные отношения	Наличие русских в правительствах (показатель проницаемости этнических границ)	Количество русских школ (2022-2023 г.)
Таджикистан	34 800 тыс. чел., или 0,5%, (2010 г.)	Автоматически после распада СССР	Русский - язык межнационального общения, активно используется в повседневной жизни	Существует межэтническая напряженность	нет	26
Армения	11 911 чел., или 0,39% (2011 г.)	Автоматически после распада СССР	Русский язык имеет статус иностранного, около 80% армян владеют русским языком	Позитивное отношение к русскому этническому меньшинству	нет	11
Киргизия	341 351 чел., или 5,14% (2021 г.)	Автоматически после распада СССР	Согласно Конституции, русский признан официальным языком межнационального общения	Существует межэтническая напряженность, но отношение к русским в целом позитивное	В 2021 году и.о. премьер-министра был Тимур Новиков	216

Источники: составлено авторами на основе данных из открытых источников в сети Интернет

жить сообща. Гражданский национализм, в отличие от этнокультурного, имеет формальные признаки и не основан на происхождении. Нация объединяется вокруг определенных общих идей и политических идеалов, а не вокруг определенного происхождения.

Тем не менее гражданский национализм и инклюзивный национализм — это не одно и то же, поскольку в странах с гражданским национализмом инклюзивность может быть не всегда. В частности, в одном широкомасштабном исследовании, включающем 41 европейскую страну, было показано, что в странах Северной и Западной Европы гражданский национализм связан с большей антипатией к мусульманам [Simonsen, Bonikowski, 2020]. В этом регионе мусульмане воспринимались как группы, несовместимые с европейскими либеральными ценностями, что фактически узаконило антимусульманские настроения в господствующей политической культуре [Simonsen, Bonikowski, 2020].

Р. Брубейкер в работе «Гражданство и государственность во Франции и Германии» [Brubaker, 1992] обсуждает либеральные и гражданские концепции государственности. Он описывает либеральную государственность как политическую идентичность, основанную на общих политических ценностях, индивидуальных правах и гражданском участии. В этой концепции гражданство открыто для всех, кто принимает политические ценности и участвует в общественной жизни, независимо от их этнического или культурного происхождения. То есть, по сути, это инклюзивная политика в отношении мигрантов и меньшинств, если проводить параллели с терминологией, используемой выше. Р. Брубейкер противопоставляет либеральную нацию этнической концепции нации, которая основывает национальную идентичность на общих культурных, языковых или родовых характеристиках. В этой концепции право на гражданство имеет ограничения, и его получение может быть затруднено для людей из разных культур. Р. Брубейкер напрямую не использует термин «ограничительное гражданство», однако именно этот концепт следует из его описания этнической государственности и связанных с ней ограничений прав гражданства для тех, кто не обладает определёнными этнокультурными характеристиками.

Говоря о политике в отношении иммигрантов, некоторые авторы [Akkerman, 2012] напрямую используют дихотомию: ограничительная (restrictive) политика vs либеральная (liberal) политика. В частности, было показано, что в европейских странах политика в отношении иммигрантов склоняется в сторону ограничительной или либеральной в зависимости от того, какие партии доминируют в парламентах европейских стран: право- или левоцентристские [Akkerman, 2012]. По сути, аналогично термину «либеральная политика» используется термин «либеральное гражданство» [Lewicki, 2017; O'Sullivan, 2019] и в противовес ему термин «ограничительное гражданство» [Jensen et al., 2021]. Другие авторы [Sredanovic, 2016], анализируя законодательство стран Европейского союза в отношении иммигрантов, используют терминологию «инклюзивное законодательство» и «ограничительное» законодательство.

В нашем исследовании мы концентрируемся на видах политики в отношении русского меньшинства в бывших советских республиках. Опираясь на обзор исследований, касающихся политики в отношении инокультурных мигрантов, преимущественно в европейских странах, считаем целесообразным остановиться на дихотомии: «инклюзивная политика» — «ограничительная» политика. В качестве критериев для разграничения инклюзивной и ограничительной политики постсоветских стран по отношению к русским, опираясь на анализ контекстуальных условий постсоветских стран (табл. 1), а также анализ исследований, касающихся политики в отношении мигрантов, нами предлагаются следующие факторы: включение русского языка в число государственных языков (либо использование русского языка в качестве языка межнационального общения), правила получения русскими гражданства после распада СССР, присутствие русских в правительствах стран, установки местного населения по отношению к русским, количество русских школ (табл. 2).

В таблице 2 представлены характеристики инклюзивной и ограничительной политики. С опорой на выделенные нами критерии (табл. 2) и характеристики стран (табл. 1), к странам с инклюзивным контекстом среди участвовавших в нашем исследовании относятся Казахстан, Киргизия, Армения, а к странам с ограничительным контекстом — Эстония, Латвия, Таджикистан, Грузия.

Таблица 2. Характеристики инклюзивной и ограничительной политики в рамках настоящего исследования

Критерии/Политика	Инклюзивная политика	Ограничительная политика
Язык	- Включение русского языка в число государственных языков - Русский язык является языком межнационального общения	Русский язык — иностранный
Гражданство	Автоматическое получение русскими гражданства после распада СССР	Необходимость прохождения процедуры натурализации для получения гражданства
Русские в правительствах	Наличие русских в правительствах стран	Отсутствие русских в правительствах стран
Установки местного населения по отношению к русским	Позитивные	Амбивалентные/ негативные
Количество русских школ	1 на 1500-2500 чел. русского населения	Менее 1 на 3000 чел. русского населения

Источник: составлено авторами.

Субъективная культурная дистанция как характеристика контекста адаптации

Помимо политики страны по отношению к русскому этническому меньшинству, которая может быть инклюзивной или ограничительной, важным контекстуальным фактором адаптации является культурная дистанция с этническим большинством или титульной этнической группой страны. Прежде всего, отметим, что культурная дистанция между этническим большинством и меньшинством может быть большой или малой. Культурная дистанция может быть концептуализирована в качестве переменной как на уровне страны, так и на индивидуальном уровне [Suanet, van de Vijver, 2009]. В нашем исследовании мы оцениваем ее как переменную индивидуального уровня и в агрегированном виде используем в качестве переменной на уровне страны в целом. Таким образом, на примере семи культур мы исследуем адаптацию одной и той же этнической группы (русских) в Эстонии, Казахстане, Армении, Латвии, Грузии, Таджикистане и Кыргызстане, которые имеют разную культурную дистанцию с русскими.

Эмпирические исследования показывают, что культурная дистанция оказывает комплексное влияние на аккультурацию. Ее воздействие может быть прямым, непрямым (медиативным) или она может выступать в качестве модератора [Guan et al. 2018; Taušová et al., 2019]. В целом большая культурная дистанция усложняет процессы аккультурации; проблемы, с которыми сталкиваются меньшинства в процессе аккультурации, как правило, более серьезны, когда культура меньшинства и принимающая культура сильно отличаются друг от друга [Galchenko, van de Vijver, 2007].

Культурная дистанция может подлежать рассмотрению в качестве двух ее видов: объективная и воспринимаемая или субъективная [Suanet, van de Vijver, 2009]. В кросс-культурных исследованиях используется именно воспринимаемая (субъективная) культурная дистанция, когда участники исследования сравнивают собственную культуру и культуру этноконтактной группы по следующим показателям: потребление пищи, семейные отношения, воспитание де-

тей, отношение к женщине, религия, традиции и обычаи, социальные нормы, внешний вид, ценности и убеждения, отношение к работе, дружба, язык [Suanet, van de Vijver, 2009].

Существующие эмпирические исследования, проведенные с использованием концепта воспринимаемой (субъективной) культурной дистанции, убедительно показывают, что близкая культурная дистанция этнического меньшинства с большинством значительно облегчает адаптационные процессы этнического меньшинства [Melkonian et al., 2019; Suanet, van de Vijver, 2009; Galchenko, van de Vijver, 2007]. Поэтому в нашем исследовании мы рассматриваем воспринимаемую русскими культурную дистанцию с представителями этнического большинства в постсоветских странах в качестве второго (наряду с политикой общества) ключевого контекстуального фактора адаптации.

«Внутренние» факторы психологической адаптации русских в постсоветских странах

Помимо контекстуальных или «внешних» факторов психологической адаптации, большое значение имеют также «внутренние» факторы, то есть социально-психологические характеристики самих меньшинств. Данные «внутренние» факторы могут быть сопряжены с характеристиками контекста и, в свою очередь, быть связанными с психологической адаптацией русских в постсоветских странах. Анализ существующих исследований по адаптации мигрантов и меньшинств показывает, что ключевыми являются следующие социально-психологические факторы: аккультурационные установки, различные виды идентичности (гражданская, этническая, локальная), индивидуальный социальный капитал (соединяющий и связывающий) и воспринимаемая проницаемость этнических границ. Рассмотрим данные «внутренние» факторы.

Аккультурационные установки. Теория аккультурации Джона Берри [Berry, 2005] описывает четыре основные стратегии аккультурации мигрантов и меньшинств в обществе: интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация. Интеграция — это стратегия, которая предполагает как ориентацию представителя этнического меньшинства на свою собственную культуру, так и готовность к участию в жизни принимающего общества и контактам с представителями этнического большинства. Ассимиляция — это стратегия, когда человек ориентируется главным образом на принимающее общество, отказывается от собственной этнической культуры и минимизирует контакты с соотечественниками. Сепарация — представитель этнического меньшинства ориентируется в основном на собственную этническую культуру, контакты с ее представителями и избегает участия в жизни принимающего общества. Маргинализация — это стратегия, при которой человек отказывается как от собственной этнической культуры, так и культуры принимающего общества в целом.

Согласно теории аккультурации [Berry, 1997] те индивиды, которые предпочитают стратегию интеграции, будут иметь более позитивные результаты адаптации, чем те, кто пытается использовать другие стратегии аккультурации (ассимиляция, сепарация, маргинализация). Несмотря на поддержку этой гипотезы [Berry, 1997], некоторые данные показывают, что интеграция может оказывать незначительное влияние на адаптацию или вообще не оказывать на нее никакого влияния [Berry, 2017; Berry et al., 2022; Bierwiazzonek, Kunst, 2021].

Некоторые другие исследования взаимосвязи между стратегией аккультурации и адаптацией показывают, что интеграция может быть не единственной стратегией, способствующей адаптации; есть также некоторые доказательства преимуществ других стратегий. Этническое меньшинство или группа мигрантов могут успешно адаптироваться, используя стратегию ассимиляции [Kosic, 2002; Greenman, Xie, 2008; Lepshokova, Tatarko, 2016]. С другой стороны, существуют исследования, которые показали, что выбор ассимиляции затрудняет психологическую адаптацию мигрантов [Berry et al., 2006].

Таким образом, выводы относительно взаимосвязи между предпочитаемой стратегией аккультурации и психологической адаптацией представляются неоднозначными. Вероятно, что предпочитаемая аккультурационная стратегия и ее эффективность для адаптации могут зависеть

от контекстуальных характеристик. С этой точки зрения изучение психологической адаптации представителей одной и той же этнической группы (русских) в различных контекстах постсоветских стран дает нам уникальную возможность продвижения в понимании данного вопроса.

Социальная идентичность. Социальная идентичность является частью Я-концепции личности [Tajfel, 1978; Tajfel, Turner, 1979], которая помогает ей адаптироваться в текущей жизненной ситуации. В исследованиях на примере мигрантов было показано, что ясность Я-концепции мигрантов вместе с отчетливым представлением о перспективах ведет к их более успешной психологической адаптации [Szabó, 2022]. Социальная идентичность также несет адаптационные функции, поскольку основная функция социальной идентичности состоит в обеспечении приспособления к новым социальным условиям, сохранении определенности и целостности «Я» [Иванова, 2001]. О том, что люди ищут собственную идентичность, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный внутренний порядок, писал известный американский футуролог А. Тоффлер [Toffler, 1980]. Русские в постсоветских республиках после смены статуса оказались именно в ситуации внутренней энтропии наряду с внешним хаосом, и различные аспекты их социальной идентичности были и остаются важнейшим фактором управления этой энтропией и, как результат, психологической адаптации.

Идентичность меньшинств и мигрантов является важнейшим фактором, связанным с их адаптацией в целом и психологической адаптацией в частности. На примере иностранных студентов в США было показано, что выраженная этническая идентичность мигрантов связана с их лучшей психологической адаптацией [Yuh, 2005; Poyrazli, 2003]. Поэтому в нашем исследовании в качестве одного из факторов психологической адаптации мы рассматриваем выраженность этнической идентичности русских в постсоветских странах. Наряду с этнической идентичностью в рассмотрение также включаются гражданская и локальная идентичности. Гражданская идентичность — это надэтническая идентичность, которая может быть своеобразным «мостиком» между русскими и представителями этнического большинства. Поэтому данная социальная категория более высокого порядка может способствовать лучшей адаптации в обществе. Помимо этнической и гражданской идентичностей мы также рассматриваем локальную (местную) идентичность, поскольку она может способствовать адаптации тоже как надэтническая идентичность, когда гражданская или этническая идентичности недостаточно выполняют эту функцию в силу каких-либо обстоятельств.

Индивидуальный социальный капитал. Социальный капитал является характеристикой как общества, так и отдельных людей. На социетальном уровне, говоря о социальном капитале, чаще всего имеют в виду различные виды доверия в обществе (генерализованное, институциональное, социальное). На индивидуальном уровне социальный капитал — это прежде всего личная сеть социальных отношений, которыми обладает индивид. Можно выделить две формы индивидуального социального капитала: связывающий социальный капитал характеризует отношения с членами собственной этнокультурной группы человека; соединяющий социальный капитал характеризует отношения с другими людьми, которые находятся за пределами собственной этнокультурной группы индивида. В настоящем исследовании мы используем концепцию социального капитала как переменную индивидуального уровня и исследуем как связывающий, так и соединяющий социальный капитал [Heizmann, Böhnke, 2016; Jun, Ha, 2015]. Это позволяет нам оценить социальный капитал респондента и его возможные связи с показателями психологической адаптации. В кросс-культурной психологии существуют исследования, убедительно показывающие взаимосвязь индивидуального социального капитала мигрантов и успешности их психологической адаптации (Amit, Litwin, 2010; Berry, Hou, 2016, 2017; Norstrand, Xu, 2011). Соответственно, мы считаем также важным анализ показателей соединяющего и связывающего социального капитала русских в постсоветских странах при изучении их социокультурной адаптации.

Воспринимаемая проницаемость этнических границ. В теории социальной идентичности существуют три важные структурные переменные, которые определяют восприятие человеком межгруппового контекста: проницаемость межгрупповых границ, стабильность и легитимность [Tajfel, Turner, 1979]. Проницаемость связана с субъективной верой человека в то, что отдельные люди могут действовать как независимые агенты, которые могут переме-

щаться между группами в рамках данной социальной системы. В то время как *стабильность* относится к ощущению человеком степени, в которой статусные отношения между группами являются фиксированными и вряд ли изменятся; *легитимность* относится к ощущению человеком того, что эти отношения справедливы и чем-то обоснованы. Если люди испытывают дискриминацию, то они будут оценивать проницаемость межгрупповых границ низко [Ramos et al., 2016]. Однако следует не упускать из виду то, что воспринимаемая дискриминация обычно определяется как восприятие того, что негативное отношение к человеку обусловлено принадлежностью к определенной группе (например, Branscombe et al., 1999), а воспринимаемая проницаемость групповых границ — это восприятие того, насколько возможно перемещение между группами [Tajfel, 1978]. Применительно к нашему исследованию речь идет о том, насколько русские, проживающие в постсоветских странах, ощущают, что они приняты обществом, что они могут быть полноправными членами групп, состоящих из представителей этнического большинства (например, профессиональных), насколько они могут участвовать в различных видах совместной деятельности с представителями этнического большинства и т.п.

Цель и задачи настоящего исследования

Итак, **цель** настоящего исследования — изучить психологическую адаптацию русских в различных контекстах постсоветских стран. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи.

1. Провести эмпирическое исследование в постсоветских странах с различными контекстуальными характеристиками: инклюзивной или ограничительной политикой в отношении русских и большой или малой культурной дистанцией с русскими.
2. Сопоставить факторы (идентичность, социальный капитал, аккультурационные установки, воспринимаемая проницаемость этнических границ) и показатели психологической адаптации (удовлетворенность жизнью, самоуважение) у русских, проживающих в постсоветских странах с различными контекстуальными характеристиками.
3. Оценить связи факторов с показателями психологической адаптации русских, проживающих в постсоветских странах с различными контекстуальными характеристиками.
4. Опираясь на контекстуальные характеристики и результаты статистического анализа, построить интегральную схему психологической адаптации русских в постсоветских странах.

Методология

Выборка исследования

В таблице 3 приводятся характеристики выборок этнических русских, опрошенных в Эстонии, Латвии, Казахстане, Киргизии, Армении, Таджикистане, Грузии. Опросы проведены в этих странах в период с 2016 по 2021 г. Общая численность всей выборки составила 1832 чел. (см. табл. 3).

Инструментарий исследования

1) Для оценки *индивидуального социального капитала* мы использовали модифицированную версию «генератора ресурсов» [Tatarko, 2020]. Оценивалось количество друзей, знакомых из собственной этнической группы (связывающий социальный капитал) и среди представителей этнического большинства (соединяющий социальный капитал), готовых оказать различные виды помощи.

2) *Аккультурационные установки* русских оценивались при помощи опросника из проекта MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies) [MIRIPS Questionnaire, 2017]. В нашем исследовании мы использовали только две шкалы (интеграция и ассимиляция) из четырех шкал опросника. Пункты опросника были переведены и адаптированы на русский язык

Таблица 3. Выборка исследования

Группа	N	Возраст (M; σ; Me)	% муж./жен.
Русские Эстонии	314	37,2; 16,9; 45,5	46,5/53,5
Русские Казахстана	179	59,3; 32,07; 49,0	22,2/77,8
Русские Киргизии	300	35,6; 17,4; 31,5	34,7/65,3
Русские Армении	109	40,4; 16,6; 37,0	40,4/59,6
Русские Таджикистана	284	46,7; 8,4; 45,0	23,0/77,0
Русские Латвии	334	43,2; 21,3; 42,0	13,9/86,1
Русские Грузии	312	44,9; 5,94; 45,0	21,2/78,8

Источник: оценки авторов

в ходе предыдущих исследований, выполненных в рамках данного проекта [Лебедева, Татарко, 2009].

3) Выраженность *гражданской и этнической идентичности русских* оценивалась при помощи методик опросника из проекта MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies) [MIRIPS Questionnaire, 2017]. Пункты данных методик были переведены и адаптированы на русский язык в ходе предыдущих исследований, выполненных в рамках данного проекта [Лебедева, Татарко, 2009].

4) *Локальная идентичность* [Droseltis, Vignoles, 2010]. Респонденту задавался вопрос: «Подумайте, пожалуйста, чем для Вас является [название страны], если её рассматривать в качестве места Вашего проживания». И далее предлагался ряд вопросов, согласие с которыми необходимо было оценить в соответствии с 5-балльной шкалой. Примеры вопросов: «Если мне придется покинуть [название страны], я почувствую, что потерял часть себя»; «Здесь я чувствую себя дома»; «Я чувствую эмоциональную привязанность к [название страны]».

5) *Воспринимаемая проницаемость этнических границ*. Для оценки проницаемости этнических границ респонденту предлагалось 4 утверждения, позволяющих оценить, насколько ему легко или сложно полноправно, на равных, быть принятым обществом в целом и его представителями в частности. Примеры вопросов: «Русскому человеку, по вашему мнению, быть принятым в [название] общество...»; «Стать полноправным членом различных различных групп в [название страны] (дружеских, профессиональных и пр.) русскому человеку...»; «Если бы русский человек захотел участвовать в общественной деятельности вместе с [название группы], сделать это ему было бы...». Оценка утверждений производилась при помощи 5-балльной шкалы от 1 — «Очень трудно» до 5 — «Очень легко».

6) *Удовлетворенность жизнью*. В этом исследовании удовлетворенность жизнью [Diener et al., 1985] рассматривается как показатель степени психологической адаптации в обществе, что соответствует методологии других кросс-культурных исследований, проводимых в данном направлении [Berry, 2017]. Нами использовалась версия опросника Е. Динера, которая была адаптирована на русский язык и валидизирована Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным [Осин, Леонтьев, 2020].

7) *Самоуважение*. В настоящем исследовании самоуважение [Rosenberg, 1973] рассматривается в качестве второго показателя (наряду с удовлетворенностью жизнью) психологической адаптации в обществе. Для оценки самоуважения использовалась шкала М. Розенберга [Rosenberg, 1973], которая включала 4 утверждения, например: «Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими»; «Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей».

8) *Субъективная культурная дистанция*. В исследовании использовалась шкала субъективной культурной дистанции [Suanet, van de Vijver, 2009]. Респонденты сравнивали русскую культуру и культуру страны проживания по следующим показателям: потребление пищи, семейные отношения, воспитание детей, отношение к женщине, религия, традиции и обычаи, социальные нормы, внешний вид, ценности и убеждения, отношение к работе, дружба, язык. Респондентам задавался следующий вопрос: «Насколько схожи или отличаются следующие показатели в [название страны] и России?». Шкала состояла из 12 пунктов, и ответы давались по 5-балльной шкале Лайкерта, варианты ответов варьировались от 1 (очень разные) до 5 (очень похожие).

Статистический анализ эмпирических данных

Для оценки статистической значимости рассматриваемых в исследовании переменных использовался многомерный дисперсионный анализ (MANOVA) с корректировкой Бонферрони.

Для выявления взаимосвязей между факторами (предикторами) психологической адаптации и показателями психологической адаптации (субъективное благополучие, самоуважение) использовался множественный регрессионный анализ.

Результаты исследования

Прежде всего при помощи многомерного дисперсионного анализа с использованием критерия Бонферрони [Наследов, 2013: 171] мы оценили статистическую значимость межвыборочных различий в средних значениях всех переменных, которые использовались в данном исследовании. Всего, как ранее указывалось, в исследовании, приняли участие русские из 7 постсоветских стран. Однако хотелось бы отметить, что в Таджикистане, Латвии и Грузии не оценивались субъективная культурная дистанция, локальная идентичность, воспринимаемая проницаемость этнических границ и социальный капитал, поскольку исследование в этих странах было проведено раньше, чем в Эстонии, Казахстане, Киргизии и Армении. Такие переменные, как этническая идентичность, гражданская идентичность, стратегии «интеграция», «ассимиляция», удовлетворённость жизнью и самоуважение оценивались во всех 7 странах. В таблице 4 приводятся средние значения всех показателей во всех странах и отмечены статистически значимые различия между странами, все используемые шкалы 5-балльные. Оценка производилась при помощи многомерного дисперсионного анализа (MANOVA) с корректировкой Бонферрони.

Психологическая адаптация. Прежде всего коснемся показателей, характеризующих психологическую адаптацию, — удовлетворенность жизнью и самоуважение. Из таблицы 4 мы видим, что удовлетворенность жизнью у русских во всех странах, за исключением Грузии, не отличается статистически значимо. В Грузии удовлетворённость жизнью у русских самая низкая среди рассматриваемых стран. Что касается самоуважения, то в данном случае наиболее высокие значения демонстрируют русские, проживающие в Армении и Киргизии, в остальных странах показатели самоуважения статистически значимо не отличаются.

Идентичности. Наиболее высокие показатели выраженности этнической идентичности отмечаются у русских, проживающих в Армении и Киргизии. Наиболее низкие — у русских, проживающих в Грузии и Таджикистане. Русские Казахстана, Эстонии, Латвии занимают промежуточное значение по данному показателю.

Самые высокие значения гражданской идентичности выявлены у русских Казахстана, наиболее низкие — у русских Армении и Латвии. У русских остальных постсоветских стран наблюдаются промежуточные значения выраженности гражданской идентичности. Что касается локальной идентичности, то она статистически значимо выражена у русских, проживающих в Эстонии. У русских, проживающих в остальных постсоветских республиках, выраженность локальной идентичности не отличается статистически значимо и по своим значениям примерно соответствует гражданской идентичности (кроме Армении, в которой гражданская идентичность у русских слабо выражена).

Таблица 4. Сравнение средних значений всех показателей семи выборок

Переменная	Эстония	Казахстан	Киргизия	Армения
Этническая идентичность	4,03 ^{кр,а,г}	4,13 ^{а,г}	4,29 ^{э,а,т,л,г}	4,55 ^{э,кз,кр,т,л,г}
Гражданская идентичность	3,77 ^{кз,кр,а,л}	4,05 ^{э,кр,а,т,л,г}	3,48 ^{э,кз,а,т,л,г}	2,53 ^{э,кз,кр,т,л,г}
Локальная идентичность	3,79 ^{кр,а}	3,54	3,51 ^э	3,39 ^э
Интеграция	4,30 ^{кз,кр,а,т,л}	3,92 ^{э,т,г}	3,98 ^{э,т,г}	4,06 ^{э,т,г}
Ассимиляция	1,75 ^{кз,кр,а,т}	2,05 ^{э,кр,а,т,л,г}	1,51 ^{э,кз,т,л,г}	1,48 ^{э,кз,т,л,г}
Удовлетворённость жизнью	3,33 ^г	3,30 ^г	3,35 ^г	3,33 ^г
Самоуважение	4,07 ^{кр,а}	4,01 ^{кр,а}	4,31 ^{э,кз,т,л,г}	4,32 ^{э,кз,т,л,г}
Связывающий СК	2,06 ^{кз}	2,35 ^{э,кр}	2,08 ^{кз}	2,24
Соединяющий СК	1,41 ^{кз,кр,а}	2,11 ^{э,кр,а}	1,79 ^{э,кз}	1,82 ^{э,кз}
Воспр. прониц-ть этнич. границ	2,88 ^{кз,а}	3,34 ^{э,кр}	2,85 ^{кз,а}	3,14 ^{э,кр}
Субъект. культ. дистанция (близость)	3,03 ^{кр,а}	3,17 ^{кр,а}	2,64 ^{э,кз}	2,81 ^{э,кз}

Таблица 4 (продолжение)

Переменная	Таджикистан	Латвия	Грузия
Этническая идентичность	3,75 ^{э,кз,кр,а,л}	4,09 ^{кр,а,т}	3,97 ^{кр,а,т}
Гражданская идентичность	3,74 ^{кз,кр,а,л}	3,01 ^{э,кз,кр,а,т,г}	3,75 ^{кз,кр,а,л}
Интеграция	3,52 ^{э,кз,кр,а,л,г}	3,99 ^{э,т,г}	4,34 ^{кз,кр,а,т,л}
Ассимиляция	2,40 ^{э,кз,кр,а,л,г}	1,80 ^{кз,кр,а,т,г}	1,67 ^{кз,кр,а,т,л}
Удовлетворённость жизнью	3,46 ^г	3,22 ^{т,г}	2,73 ^{э,кз,кр,а,т,л}
Самоуважение	4,13 ^{кр,а}	4,12 ^{кр,а}	4,12 ^{кр,а}

Источник: оценки авторов на основе данных опроса

^э статистически значимые различия с русскими Эстонии ($p < .05$)

^{кз} статистически значимые различия с русскими Казахстана ($p < .05$)

^{кр} статистически значимые различия с русскими Кыргызстана ($p < .05$)

^а статистически значимые различия с русскими Армении ($p < .05$)

^т статистически значимые различия с русскими Таджикистана ($p < .05$)

^л статистически значимые различия с русскими Латвии ($p < .05$)

^г статистически значимые различия с русскими Грузии ($p < .05$)

Аккультурационные стратегии. Выраженность стратегии «интеграция» имеет относительно высокие значения у русских практически всех рассмотренных республик, за исключением Таджикистана. В Таджикистане наиболее низкие значения данной стратегии. Самые высокие значения интеграции у русских Эстонии. Также высокие значения интеграции у русских Латвии, Киргизии, Армении, Грузии. В Казахстане ориентация на интеграцию не так ярко выражена, как в вышеперечисленных странах. Однако в Казахстане, как и в Таджикистане, самые высокие, по сравнению с другими странами, значения стратегии ассимиляции. Минимальные среди всех стран значения ориентации на ассимиляцию у русских Киргизии и Армении.

Социальный капитал. Связывающий социальный капитал, отражающий, по сути, внутриэтническую взаимоподдержку, наиболее высок у русских Казахстана. В остальных республиках (Эстония, Киргизия, Армения) он примерно одинаков. Что касается соединяющего социального капитала, отражающего то, насколько русские могут рассчитывать на поддержку и помощь со стороны своих друзей, являющихся представителями этнического большинства, различия между республиками выражены в большей степени. Во-первых, мы видим, что соединяющий социальный капитал русских во всех республиках имеет более низкие значения, чем связывающий. Во-вторых, наиболее высокие значения соединяющего социального капитала отмечается у русских Казахстана, промежуточное положение занимают Армения и Киргизия, а наиболее низкие значения наблюдаются у русских Эстонии.

Воспринимаемая проницаемость этнических границ. По показателю воспринимаемой проницаемости этнических границ те четыре страны, в которых оценивался данный показатель, разделились на две категории (табл. 4). С одной стороны, это Казахстан и Армения, в которых русские высоко оценивают проницаемость этнических границ. С другой стороны, это Эстония и Киргизия, в которых русские проницаемость этнических границ оценивают статистически значимо ниже по сравнению с Казахстаном и Арменией.

Далее был проведен множественный регрессионный анализ связи рассматриваемых в исследовании предикторов с показателями психологической адаптации русских в семи постсоветских странах.

В таблице 5 можно видеть результаты регрессионного анализа взаимосвязи ряда социально-психологических факторов с первым показателем психологической адаптации — удовлетворенности жизнью.

Результаты, приведённые в таблице 5, показывают, что в каждой стране есть определённый набор факторов, который может способствовать удовлетворенности жизнью русских в рассматриваемых странах. В Эстонии это этническая, гражданская, локальная идентичности, а также соединяющий социальный капитал. В Казахстане — соединяющий социальный капитал, воспринимаемая проницаемость этнических границ и локальная идентичность. В Киргизии — стратегия интеграции, связывающий социальный капитал, воспринимаемая проницаемость этнических границ и локальная идентичность. В Армении — воспринимаемая проницаемость этнических границ и локальная идентичность. В Таджикистане — гражданская идентичность, а также стратегии интеграции и ассимиляции. В Латвии — гражданская идентичность и отсутствие установок на ассимиляцию связаны с удовлетворённостью жизнью русских. В Грузии этническая идентичность русских негативно связана с удовлетворенностью жизнью русских, а стратегия интеграции — позитивно.

В таблице 6 приводятся аналогичные связи, только со вторым показателем психологической адаптации — самоуважением.

Результаты, приведённые в таблице 6, показывают, что, как и в предыдущем случае, в каждой стране есть определённый набор факторов, который может способствовать самоуважению русских в рассматриваемых странах. В Эстонии это этническая и гражданская идентичности; в Казахстане — локальная идентичность; в Киргизии — связывающий социальный капитал и локальная идентичность; в Таджикистане — гражданская идентичность; в Латвии — этническая идентичность и стратегия интеграции; в Грузии — стратегия интеграции. Обращает на себя внимание тот факт, что ориентация на стратегию ассимиляции имеет статистически значимую негативную связь с самоуважением русских в большинстве рассмотренных нами республик: Эстонии, Казахстане, Киргизии, Армении, Латвии.

Таблица 5. Взаимосвязи различных факторов с показателем «удовлетворенность жизнью»

Предикторы	Эст. β	Каз. β	Кирг. β	Арм. β	Тадж. β	Латв. β	Груз. β
Этническая идентичность	0,13*	0,09	0,05	-0,05	-0,08	0,05	-0,11*
Гражданская идентичность	0,17*	0,08	0,03	-0,02	0,15*	0,12*	-0,05
Локальная идентичность	0,16*	0,20*	0,26***	0,41**	-	-	-
Интеграция	0,05	-0,08	0,21***	-0,44	0,12*	-0,05	0,19**
Ассимиляция	0,08	0,01	0,02	-0,07	0,15*	-0,14*	0,00
Связывающий СК	0,00	-0,10	0,37***	0,08	-	-	-
Соединяющий СК	0,17**	0,38**	-0,12	-0,01	-	-	-
Воспр. прониц-ть этнич. границ	0,01	0,26**	0,13*	0,31**	-	-	-
F	8,37***	8,03***	17,85***	3,63***	3,82**	2,34*	3,11*
R ²	0,19	0,37	0,33	0,23	0,06	0,03	0,04

Источник: оценки авторов на основе данных опроса

* $p < .05$. ** $p < .01$. *** $p < .001$.

Таблица 6. Взаимосвязи различных факторов с показателем «самоуважение»

Предикторы	Эст. β	Каз. β	Кирг. β	Арм. β	Тадж. β	Латв. β	Груз. β
Этническая идентичность	0,13*	0,14	0,03	0,15	-0,01	0,12*	-0,03
Гражданская идентичность	0,25***	-0,08	-0,06	0,09	0,29***	0,06	0,01
Локальная идентичность	-0,06	0,31**	0,17*	0,13	-	-	-
Интеграция	0,09	0,00	0,06	-0,18	0,11	0,21***	0,19**
Ассимиляция	-0,14*	-0,37***	-0,13*	-0,21*	-0,08	-0,38***	-0,09
Связывающий СК	-0,05	0,01	0,28***	0,11	-	-	-
Соединяющий СК	0,07	0,21	-0,02	-0,12	-	-	-
Воспр. прониц-ть этнич. границ	0,01	0,02	0,06	0,07	-	-	-
F	4,35***	4,18***	5,86***	1,94*	8,32***	28,99***	4,15***
R ²	0,11	0,23	0,14	0,14	0,11	0,27	0,05

Источник: оценки авторов на основе данных опроса

* $p < .05$. ** $p < .01$. *** $p < .001$.

Обсуждение результатов исследования

Напомним, что основная цель настоящего исследования состояла в рассмотрении особенностей психологической адаптации русских при учете двух контекстуальных параметров: политики в отношении русских и субъективной культурной дистанции русских с представителями этнического большинства республик. Соответственно, опираясь на два данных контекстуальных условия, можно выделить четыре контекста адаптации русских и страны, характеризуемые двумя данными параметрами (табл. 7). Для определения субъективной культурной дистанции мы опирались на ее показатель и значимость межстрановых различий. Хотелось бы обратить внимание на три аспекта в этой связи. Во-первых, Казахстан, несмотря на объективные культурные различия (религия, традиции) с русской культурой, имеет наиболее близкую *субъективную* культурную дистанцию в восприятии русских, и это, по всей видимости, может происходить вследствие некоторой тенденции к ассимиляции русских в этом регионе. Это подтверждается тем, что ориентация на аккультурационную стратегию ассимиляции у русских Казахстана самая высокая из семи рассмотренных стран (табл. 4). Во-вторых, мы не измеряли субъективную культурную дистанцию в Латвии, но она внесена нами в один и тот же контекст с Эстонией, поскольку с точки зрения контекста эти страны очень похожи. В-третьих, мы также не измеряли субъективную культурную дистанцию в Грузии и Таджикистане, однако допускаем, что субъективная культурная дистанция между русскими и коренными населением этих стран будет такой же далекой, как и в Армении с Киргизией (табл. 7).

Итак, какую специфику психологической адаптации русских в каждом из четырех контекстов мы можем выделить?

1) *Инклюзивная политика и близкая субъективная культурная дистанция*. С одной стороны, такой контекст довольно благоприятен для психологической адаптации русских. В таком контексте отмечают высокую воспринимаемую проницаемость этнических границ, у них высокий не только связывающий, но и соединяющий социальный капитал. Также у них выраженная гражданская идентичность, чего нет ни в одном из других контекстов. Психологической адаптации способствуют локальная идентичность, соединяющий социальный капитал, воспринимаемая проницаемость этнических границ. В таких условиях русские демонстрируют высокую ориентацию на аккультурационную стратегию «ассимиляция». Показатель аккультурационной стратегии «ассимиляция» у русских в Казахстане один из самых высоких среди рассматриваемых стран, он уступает только аналогичному показателю русских в Таджикистане.

Таким образом, русские в Казахстане постепенно становятся «казахскими русскими» или казахстанцами. При этом важно заметить, что Казахстан является второй, помимо России, бывшей союзной республикой, в которой есть термин, обозначающий весь народ страны как надэтническую общность — «казахстанцы». Соответственно, мы можем говорить о том, что в Казахстане русским представляются хорошие условия для психологической адаптации, но при наличии мягкого ассимиляционного давления, которое все же негативно сказывается на самоуважении русских.

2) *Инклюзивная политика и далекая субъективная культурная дистанция*. Если посмотреть на средние значения факторов психологической адаптации русских в Армении и Киргизии (табл. 7), которые характеризуются инклюзивностью политики и далекой культурной дистанцией, то мы видим, что профили русских в этих странах практически идентичны. Исключение составляет воспринимаемая проницаемость этнических границ, высокая в Армении и низкая в Киргизии, что может быть связано с религиозной близостью армянской и русской культур. В данном контексте русские имеют высокие значения этнической идентичности, стратегии «интеграция» и самоуважения. При этом низкие значения имеет гражданская идентичность и стратегия «ассимиляция». С показателями психологической адаптации в обеих республиках позитивно связаны: локальная идентичность, стратегия «интеграция», воспринимаемая проницаемость этнических границ. Таким образом, данный контекст позволяет русским сохранять культуру, этническую идентичность и иметь в целом хорошую психологическую адаптацию, на что указывают, в частности, высокие значения самоуважения русских в обеих республиках.

Таблица 7. Особенности психологической адаптации русских в различных контекстах постсоветских стран

Субъективная культурная дистанция/ политика	Инклюзивная политика	Ограничительная политика
Более близкая субъективная культурная дистанция	<p>КАЗАХСТАН <i>Средние:</i> Этническая идентичность ≈ Гражданская идентичность ↑ Локальная идентичность ≈ Интеграция ≈ Ассимиляция ↑ Удовлетворенность жизнью ≈ Самоуважение ≈ Связывающий соц. капитал ↑ Соединяющий соц. капитал ↑ В. проницаемость этнич. гр-ц ↑</p>	<p>ЭСТОНИЯ <i>Средние:</i> Этническая идентичность ≈ Гражданская идентичность ≈ Локальная идентичность ≈ Интеграция ↑ Ассимиляция ≈ Удовлетворенность жизнью ≈ Самоуважение ≈ Связывающий соц. капитал ≈ Соединяющий соц. капитал ↓ В. проницаемость этнич. гр-ц ↓</p>
	<p><i>Взаимосвязи:</i> Локальная идентичность → (LS, SE) Соединяющий соц. кап. → (LS) Ассимиляция (стратегия) → (— SE) В. проницаемость этн. гр. → (LS)</p>	<p><i>Взаимосвязи:</i> Локальная идентичность → (LS) Соединяющий соц. кап. → (LS) Ассимиляция (стратегия) → (— SE) Этническая идентичность → (LS, SE) Гражданская идентичность → (LS, SE)</p>
		<p>ЛАТВИЯ <i>Средние:</i> Этническая идентичность ≈ Гражданская идентичность ↓ Интеграция ↑ Ассимиляция ≈ Удовлетворенность жизнью ≈ Самоуважение ≈</p>
		<p><i>Взаимосвязи:</i> Этническая идентичность → (SE) Интеграция (стратегия) → (SE) Ассимиляция (стратегия) → (- SE)</p>

Субъективная культурная дистанция/ политика	Инклюзивная политика	Ограничительная политика
Более далекая субъективная культурная дистанция	<p>АРМЕНИЯ <i>Средние:</i> Этническая идентичность ↑ Гражданская идентичность ↓ Локальная идентичность ≈ Интеграция ↑ Ассимиляция ↓ Удовлетворенность жизнью ≈ Самоуважение ↑ Связывающий соц. капитал ≈ Соединяющий соц. капитал ≈ В. проницаемость этнич. гра-ц ↑</p> <p><i>Взаимосвязи:</i> Локальная идентичность → (LS) Интеграция (стратегия) → (LS) В. проницаемость этнич. гр. → (LS) Ассимиляция (стратегия) → (-SE)</p>	<p>ГРУЗИЯ <i>Средние:</i> Этническая идентичность ↓ Гражданская идентичность ≈ Интеграция ↑ Ассимиляция ≈ Удовлетворенность жизнью ↓ Самоуважение ≈</p> <p><i>Взаимосвязи:</i> Этническая идентичность → (-LS) Интеграция (стратегия) → (LS,SE) Ассимиляция (стратегия) → (-SE)</p>
	<p>КИРГИЗИЯ <i>Средние:</i> Этническая идентичность ↑ Гражданская идентичность ↓ Локальная идентичность ≈ Интеграция ↑ Ассимиляция ↓ Удовлетворенность жизнью ≈ Самоуважение ↑ Связывающий соц. капитал ≈ Соединяющий соц. капитал ≈ В. проницаемость этнич. гра-ц ↓</p> <p><i>Взаимосвязи:</i> Локальная идентичность → (LS, SE) Интеграция (стратегия) → (LS) В. проницаемость этн. гр. → (LS) Ассимиляция (стратегия) → (-SE) Связывающий соц. кап. → (LS, SE)</p>	<p>ТАДЖИКИСТАН <i>Средние:</i> Этническая идентичность ↓ Гражданская идентичность ≈ Интеграция ↓ Ассимиляция ↑ Удовлетворенность жизнью ≈ Самоуважение ≈</p> <p><i>Взаимосвязи:</i> Гражданская идентичность → (LS,SE) Интеграция (стратегия) → (LS) Ассимиляция (стратегия) → (LS)</p>

Источник: составлено авторами на основе данных опроса

Обозначения: LS — удовлетворенность жизнью; SE — самоуважение; ↑ — статистически значимо более высокое среднее, чем в большинстве стран выборки; ↓ — статистически значимо более низкое среднее, чем в большинстве стран выборки; ≈ — среднее значение статистически значимо не отличается от аналогичного значения большинства стран выборки; → — направление статистически значимой связи от предиктора к зависимым переменным.

3) *Ограничивающая политика и близкая субъективная культурная дистанция.* В данном контексте прослеживается ориентация и запрос русских на интеграцию, то есть сохранение собственной культуры наряду с включением в культуру принимающих обществ. На это указывают высокие значения стратегии «интеграция» наряду с позитивной связью данной стратегии с показателями психологической адаптации в Латвии и Эстонии. Также мы можем видеть, что в этих прибалтийских республиках этническая идентичность позитивно связана с обоими показателями психологической адаптации (удовлетворенность жизнью и самоуважение), в то время как стратегия ассимиляции демонстрирует негативную связь с самоуважением. Также измеренный у русских Эстонии соединяющий (межэтнический) социальный капитал продемонстрировал позитивную связь с их удовлетворённостью жизнью. Важно заметить, что количество русских в прибалтийских республиках довольно велико. Как отмечают эксперты, во многом это было продиктовано не только отсутствием общей межэтнической напряжённости в прибалтийских странах, но и близостью к Европе и относительно высоким уровнем социально-экономического развития. Официально, на государственном уровне, в странах Балтии действительно заявляется об интеграционной политике в отношении этнических меньшинств, в частности русского населения, которое составляет значительную долю населения в этих странах [Фролов, 2019]. Тем не менее реальность оказывается более сложной. В частности, среди исследователей, занимающихся проблематикой положения русского населения в странах Балтии, сложилось мнение, что фактически политику в отношении русского населения правильнее будет трактовать как ассимиляционную, нежели интеграционную [Фролов, 2019; Скринник, 2009; Мусаев, 2011]. Основная причина этого — негативное отношение к советскому прошлому, а также относительно большое число русских, что приводит к росту воспринимаемой культурной угрозы и попыткам снизить эту угрозу через неявную ассимиляцию. В результате особенностью формирования национальных государств в Прибалтике стало то, что главным приоритетом провозглашается достижение культурной и этнической гомогенности общества [Скринник, 2009], а это по сути и есть ассимиляция. Однако при этом русские в основном не эмигрируют из стран Балтии, и причина, как отмечают специалисты, в том, что русские нашли в этих странах свою экономическую нишу в частном секторе и бизнесе [Commercio, 2004]. Относительно невысокая коррупция и в определённой мере приближенная к европейским стандартам защищённость частного бизнеса позволяют русским в этих странах успешно осуществлять экономическую деятельность.

4) *Ограничительная политика и далекая культурная дистанция.* Данный контекст наиболее неблагоприятен для психологической адаптации. Это довольно хорошо прослеживается, если обратиться к рассмотрению этнической идентичности русских, проживающих в данном контексте. Мы видим, что в странах с ограничительной политикой и далекой культурной дистанцией русские демонстрируют статистически значимо более низкие, по сравнению с остальными республиками, показатели этнической идентичности. Более того, в Грузии этническая идентичность русских негативно связана с удовлетворённостью жизнью. Это указывает на то, что наличие выраженной этнической идентичности русских ведет к их дезадаптации в данном контексте, в котором для относительно успешной психологической адаптации русские вынуждены «прятать» свою этническую идентичность. Также Грузия явилась страной с самым низким уровнем удовлетворённости жизнью русских среди рассматриваемых нами стран. В Таджикистане мы обнаруживаем высокие значения стратегии «ассимиляция» и видим, что эта стратегия «работает» на психологическую адаптацию русских, в частности позитивно связана с удовлетворенностью жизнью. Таким образом, в контексте, сочетающем в себе ограничительную политику и далекую культурную дистанцию, русские с целью психологической адаптации вынуждены «прятать» свою этничность. При этом у них также есть запрос на интеграцию, на что указывает позитивная связь стратегии «интеграция» с удовлетворенностью жизнью русских в Таджикистане и с удовлетворённостью жизнью и самоуважением — в Грузии.

Заключение

Таким образом, в настоящем исследовании было показано, что в разных контекстах психологическая адаптация русских может быть различной. В исследовании мы выделили два контекстуальных условия, имеющие важное значение для успешной адаптации русских в постсоветских странах: политика в отношении русских, которая может быть инклюзивной или ограничительной, а также культурная дистанция. В проведенном исследовании оценивалась не объективная, а субъективная культурная дистанция. Соответственно, было выделено четыре контекста адаптации русских, по которым были распределены рассмотренные нами страны: 1) инклюзивная политика — близкая субъективная культурная дистанция (Казахстан); 2) инклюзивная политика — далекая субъективная культурная дистанция (Киргизия, Армения); 3) ограничительная политика — близкая субъективная культурная дистанция (Эстония, Латвия); 4) ограничительная политика — далекая субъективная культурная дистанция (Грузия, Таджикистан). Исследование показало, что в каждом из четырех контекстов есть свой характерный «сценарий» психологической адаптации. В частности, при *сочетании инклюзивной политики и близкой субъективной культурной дистанции* условия для психологической адаптации благоприятны, этнические границы проницаемы, формируется соединяющий (межэтнический) социальный капитал. Однако есть обратная сторона такого благоприятного контекста — в нем наблюдаются ассимиляционные тенденции, и русские в целом их вполне принимают. Они вписывают себя в надэтническую общность (к нашему случаю казахстанцы), и их локальная идентичность в рамках этой общности (казахстанские русские) связана с их психологической адаптированностью в данном контексте.

При *сочетании инклюзивной политики и далекой субъективной культурной дистанции* мы видим, что у русских есть возможности для полноценного сохранения этнической идентичности и интеграции в принимающее общество. Только такой контекст дает самые высокие значения самоуважения как одного из показателей психологической адаптации.

В случае *сочетания ограничительной политики и близкой субъективной культурной дистанции* мы наблюдаем своего рода запрос русских на интеграцию, то есть сохранение собственной культуры наряду с включением в культуру принимающих обществ. Это наблюдается в прибалтийских республиках, в которых в целом русских устраивают предоставляемые социально-экономические возможности, но ограничивающий контекст рождает запрос на интеграцию в противовес ассимиляции.

Контекст, сочетающий *ограничительную политику и далекую субъективную культурную дистанцию*, является самым неблагоприятным для психологической адаптации русских, и в указанном контексте она действительно невысока. Характерным является то, что в данном контексте русские вынуждены снижать, «прятать» свою этническую идентичность, открытое выражение которой отрицательно связано с удовлетворенностью жизнью, чего мы не наблюдали ни в одном из трех других рассмотренных контекстов.

В этом исследовании авторы попробовали понять, в какой степени психологическая адаптация русских на постсоветском пространстве может зависеть от контекста (политики в отношении русских) и воспринимаемой культурной дистанции с доминирующей этнической группой, и предложить объяснения особенностей адаптации русских в разных странах с учетом влияния данных факторов. Исследования в этом направлении продолжаются.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Литература

Иванова Н.Л. (2001) Социальная идентичность и проблемы образования: монография. Ярославль: Яр. гос. пед. университет.

- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (ред.) (2009) Стратегии межэтнического взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009.
- Мусаев В.И. (2011) «Русский вопрос» в странах Балтии в 1990-х–2000-х гг. и российско-прибалтийские отношения // История и историческая память: (4): 87–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-vopros-v-stranah-baltii-v-1990-h-2000-h-gg-i-rossiysko-pribaltiyskie-otnosheniya>
- Наследов А.Д. (2013) IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер.
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. (2020) Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены: 1(155): 117–42. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Скринник В.М. (2009) Российская диаспора в странах Балтии: социально-политический дискурс и проблемы консолидации // Учёные записки Российского государственного социального университета: 2(65): 126–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12852654>
- Фролов В.В. (2019) Положение русского и русскоязычного населения в странах Балтии в постсоветский период: современная историография вопроса // Научно-методический электронный журнал «Концепт»: (1): 1–10. URL: <http://e-koncept.ru/2019/193004.htm>
- Akkerman T. (2012) Comparing radical right parties in government: Immigration and integration policies in nine countries (1996–2010) // West European Politics: 35(3): 511–29. <https://doi.org/10.1080/01402382.2012.665738>
- Amit K., Litwin H. (2010) The subjective well-being of immigrants aged 50 and older in Israel // Social Indicators Research: 98(1): 89–104. <https://doi.org/10.1007/s11205-009-9519-5>
- Aptekar S. (2009) Contexts of exit in the migration of Russian speakers from the Baltic countries to Ireland // Ethnicities: 9(4): 507–26. <https://doi.org/10.1177/1468796809345433>
- Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology: 46(1): 5–34. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x>
- Berry J.W. (2005) Acculturation: Living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations: 29(6): 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry J.W. (ed.) (2017) Mutual intercultural relations (Culture and Psychology). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Berry J.W., Hou F. (2016) Immigrant acculturation and wellbeing in Canada // Canadian Psychology / Psychologie canadienne: 57(4): 254–64. <https://doi.org/10.1037/cap0000064>
- Berry J.W., Hou F. (2017) Acculturation, discrimination and wellbeing among second generation of immigrants in Canada // International Journal of Intercultural Relations: 61: 29–39. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.08.003>
- Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS Collaboration, Grigoryev D. (2022) How shall we all live together? Meta-analytical review of the mutual intercultural relations in plural societies project // Applied Psychology: 71(3): 1014–41. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. (2006) Immigrant youth: acculturation, identity, and adaptation // Applied Psychology: 55(3): 303–32. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x>
- Bierwiazczonек K., Kunst J.R. (2021) Revisiting the integration hypothesis: Correlational and longitudinal meta-analyses demonstrate the limited role of acculturation for cross-cultural adaptation // Psychological Science: 32(9): 1476–93. <https://doi.org/10.1177/09567976211006432>
- Branscombe N.R., Schmitt M.T., Harvey R.D. (1999) Perceiving pervasive discrimination among African Americans: Implications for group identification and well-being // Journal of Personality and Social Psychology: 77(1): 135–49. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.1.135>

- Brubaker R. (1992) *Citizenship and nationhood in France and Germany*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Commercio M.E. (2004) Exit in the near abroad: the Russian minorities in Latvia and Kyrgyzstan // *Problems of Post-Communism*: 51(6): 23-32. <https://doi.org/10.1080/10758216.2004.11052185>
- Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. (1985). The satisfaction with life scale // *Journal of personality assessment*: 49(1): 71-5. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Droseltis O., Vignoles V.L. (2010) Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences // *Journal of Environmental Psychology*: 30(1): 23-34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Galchenko I, van de Vijver FJR (2007) The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations* 31(2): 181-97. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
- Galyapina V., Lepshokova Z., Molodikova I. (2021) Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation // *Central Asia and the Caucasus*: 22(1): 75-90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44868579>
- Greenman E., Xie Y. (2008) Is assimilation theory dead? The effect of assimilation on adolescent well-being // *Social Science Research*: 37(1): 109-37. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2007.07.003>
- Heizmann B., Böhnke P. (2016) Migrant poverty and social capital: The impact of intra- and interethnic contacts // *Research in Social Stratification and Mobility*: 46(B): 73-85. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2016.08.006>
- Jensen K.K., Mouritsen P., Bech E.C., Olsen T.V. (2021) Roadblocks to citizenship: selection effects of restrictive naturalisation rules // *Journal of Ethnic and Migration Studies*: 47(5): 1047-65. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1667757>
- Kohn H. (2005) *The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background*. Transaction Publishers, New Jersey, USA.
- Kosic A. (2002) Acculturation Attitudes, Need for Cognitive Closure, and Adaptation of Immigrants // *The Journal of Social Psychology*: 142(2): 179-201. <https://doi.org/10.1080/00224540209603894>
- Lebedeva N., Ryabichenko T. (2016) Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia // *Psychology in Russia: State of the Art*: 9(1): 98-111. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0107>
- Lepshokova Z.K., Tatarko A.N. (2016) Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being? // *Psychology in Russia: State of the Art*: 9(1): 57-73. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0104>
- Lewicki A. (2017) The blind spots of liberal citizenship and integration policy // *Patterns of Prejudice*: 51(5): 375-95. <https://doi.org/10.1080/0031322X.2017.1389350>
- Melkonian M., Areepattamannil S., Menano L., Fildago P. (2019) Examining acculturation orientations and perceived cultural distance among immigrant adolescents in Portugal: Links to performance in reading, mathematics, and science // *Social Psychology of Education*: 225(4): 969-89. <https://doi.org/10.1007/s11218-019-09506-5>
- MIRIPS Questionnaire (2017) In: Berry J.W. (ed.) *Mutual Intercultural Relations*. Cambridge University Press, 375-87. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.019>
- Moskal M. (2016) Spaces of not belonging: inclusive nationalism and education in Scotland // *Scottish geographical journal*: 132(1): 85-102. <https://doi.org/10.1080/14702541.2015.1084028>
- Norstrand J.A., Xu Q. (2011) Social capital and health outcomes among older adults in China: The urban-rural dimension // *The Gerontologist*: 52(3): 325-34. <https://doi.org/10.1093/geront/gnr072>
- O'Sullivan D. (2019) Maori self-determination: Towards differentiated liberal citizenship // *Australian Journal of Politics & History*: 65(2): 230-45. <https://doi.org/10.1111/ajph.12574>

- Poyrazli S. (2003) Ethnic identity and psychosocial adjustment among international students // *Psychological Reports*: 92(2): 512-14. <https://doi.org/10.2466/pr0.2003.92.2.512>
- Ramos M.R., Cassidy C., Reicher S., Haslam S.A. (2016) A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students // *Journal of Cross-Cultural Psychology*: 47(3): 401-20. <https://doi.org/10.1177/0022022116628672>
- Rosenberg M. (1973) Self-esteem scale. In: Robinson J., Shafer P. (eds) *Measures of Social Psychological Attitudes*. University of Michigan Institute of Social Research: Ann Arbor, MI, 81–2.
- Sam D.L., Berry J.W. (2010) Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet // *Perspectives on Psychological Science*: 5(4): 472–81. <https://doi.org/10.1177/1745691610373075>
- Simonsen K.B., Bonikowski B. (2020) Is civic nationalism necessarily inclusive? Conceptions of nationhood and anti-Muslim attitudes in Europe // *European Journal of Political Research*: 59(1): 114-36. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12337>
- Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A., Allworth E. (1998) *Nation-building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities* (1st ed.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598876>
- Sredanovic D. (2016) Political parties and citizenship legislation change in EU28 countries, 1992–2013 // *International Political Science Review*: 37(4): 438-52. <https://doi.org/10.1177/0192512115584008>
- Suanet I, van de Vijver FJR (2009) Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia. *Journal of Community & Applied Social Psychology* 19(3): 182-97. <https://doi.org/10.1002/casp.989>
- Szabó Á. (2022) Envisioning positive future selves: Perceptions of the future self and psychological adaptation in recent migrants // *Self and Identity*: 21(8): 877-90. <https://doi.org/10.1080/15298868.2021.2003427>
- Tajfel H. (1978) *The social psychology of minorities*. London: Minority Rights Group, report no. 38.
- Tajfel H., Turner J.C. (1979) An integrative theory of intergroup conflict. In: Austin W.G., Worchel S. (eds) *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 33-47.
- Tatarko A. (2020) Testing the Integration Hypothesis in the Republic of Dagestan: The Role of Social Capital // *Applied Psychology*: 69(4): 1174–98. <https://doi.org/10.1111/apps.12262>
- Taušová J., Bender M., Dimitrova R., van de Vijver F. (2019) The role of perceived cultural distance, personal growth initiative, language proficiencies, and tridimensional acculturation orientations for psychological adjustment among international students. *International Journal of Intercultural Relations* 69: 11-23. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.11.004>
- Toffler A. (1980) *The Third Wave*. William Morrow and Company, Inc., N.Y.
- van Oers R. (2008) From liberal to restrictive citizenship policies: The case of the Netherlands // *International Journal on Multicultural Societies*: 10(1): 40–59. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000160917>
- Ward C. (1996) Acculturation. In: Landis D., Bhagat R. (eds) *Handbook of intercultural training* (2nd ed.). Newbury Park: Sage, 124–47.
- Yaman H., Kartal M. (2023) Globalization and migration from the perspective of ethnosymbolist and civic nationalism // *Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*: (55): 147-55. <https://doi.org/10.30794/pausbed.1130640>
- Yuh J. (2005) Ethnic Identity and Its Relation to Self-Esteem and Ego Identity Among College Students in a Multiethnic Region // *Journal of Applied Social Psychology*: 35(6): 1111-31. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2005.tb02162.x>

Другие источники информации

Рязанов С. (2015) Цифры русского мира. О положении на обломках империи // Свободная пресса, 20.12.2015. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/138693> (дата обращения: 08.06.2023).

Информация об авторах

- Татарко Александр Николаевич — доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, директор Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия. Email: tatarko@yandex.ru
- Надежда Михайловна Лебедева — доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, научный руководитель Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия. Email: lebedhope@yandex.ru